

Катерина Шпиллер

Пустяки и последствия

Очерк нравов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катерина Шпиллер

Пустяки и последствия

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шпиллер К. А.

Пустяки и последствия / К. А. Шпиллер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Очерк нравов. Посвящается жертвам анонимных хейтеров. «Чем больше меня валяли в грязи, тем больше я ощущала непонятное удовлетворение. Это стало сильнее меня, я должна была каждый день получать порцию уничтожающей меня боли унижения. Пыталась бороться, но так и не смогла с этим справиться. И всё сильнее становилось желание исчезнуть. Не быть, но не потому что я не хочу жить, а просто чтобы вот этого всего не было, понимаешь?». Содержит нецензурную брань.

Катерина Шпиллер

ПУСТЯКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

(ОЧЕРК ПРАВОВ)

Посвящается жертвам анонимных хейтеров

**Книга для читателей старше 18 лет.
Текст содержит ненормативную лексику.**

МАРАФОН

Помню, как бежала, задыхаясь, и моё нутро было сжато в болезненный комок, готовый взорваться и вытолкнуть из организма все внутренности – в крови, в слизи, чёрт его знает, в чём ещё, будто внутри случился взрыв от скольких-то граммов тротила. А надо-то было пробежать всего километр, всего один! Для того, чтобы сдвинуться с места, чтобы хоть немного приблизиться к своей цели и перестать быть бегуном только на короткие дистанции. Шестьдесят метров, сто – всё идёт прекрасно, всё получается! Полкилометра – уже испытание. А километр – невозможен. Не хватает дыхания, сердце пульсирует в каждой точке тела, адская боль в подреберье режет пополам, от тошноты начинает кружиться голова. Пот едко заливает глаза, уши, ядовитой жидкостью скатывается в открытый рот... Не одолеть! Не одолеть!

Значит, никогда не похудеть. Значит, клёкое, рыхлое тело будет со мной навсегда. Оно будет мною вечно. Мне не победить природу и не сумею стать стройной, потому что нет шанса пробежать больше, чем я могу. Навсегда только короткие дистанции и 50-й размер.

– Ты круто пишешь заметки и маленькие очерки, когда без эмоций, только на фактах, – прикуривая одну сигарету от другой, пока что нарочито спокойно, пряча раздражение, излагает редактор журнала, где я битых десять лет работаю корреспондентом. Сквозь модные и дорогие узкие стёкла без оправы, она презрительно поглядывает на меня чуть прищуренными глазами. Или просто щурится от дыма? – Ты хорошо роешь фактуру, чётко выделяешь главное и прекрасно укладываешься в полторы тысячи знаков. Это твой хлеб! Так чего тебя тянет на большое? Ну, не твоё это, не-тва-ё! – последнее слово она будто вбивает мне, как дуре, в голову молотком. Кажется, напускное спокойствие постепенно начинает ей изменять.

– Татьяна, вы ж знаете, что я хочу...

– Да знаю я! – уже раздражённо восклицает начальница и с досады слишком сильно встряхивает рукой с сигаретой. Табак вперемежку с пеплом падает прямо ей на брюки. – Да мать твою! – не сдерживаясь орёт Татьяна, отряхивая ладонью штанину. – Вот такие у нас нынче делают сигареты! Мир непрофессионалов и неучей, везде работают криворукие! – она шумно выдыхает, прикрывает на секунду глаза – берёт себя в руки. – Вот пусть все будут заниматься своим делом, а? Очерки и фельетоны станут писать те, у кого это лучше получается. А то достали уже своей графоманией, – она выразительно провела ребром ладони себе по горлу, – все хотят быть писателями! А мне троих таких в штате – выше крыши! Заметки и подписи к фоторепортажам должен кто-то делать, а? Скажи мне! Нет, ещё одна в литераторы намылилась! Говно твой очерк, понимаешь? Го-вно. Очередное. Какое уже, я сбилась со счёту? Не получится из тебя ни Улицкой, ни Рубиной... и даже Божены Рынки

не получится. Не твоё! Не хватает ни эмоций, ни дыхания, не можешь ты выдать больше, чем полторы тысячи знаков.

Не хватает дыхания. Когда пишу. Что это означает? Я знаю, как не хватает дыхания на длинной дистанции бега – это больно и мучительно, просто задыхаешься – и всё. Но я не задыхаюсь, когда пишу... Эмоций не хватает? Ах, ты ж сука! Знала б ты, какие эмоции меня раздражают, когда я слушаю твой визг! Да я б тебя сейчас убила, тварь климактерическую! Так взяла бы за волосёнки жиденькие – и об стол, об стол, чтобы по белой офисной красоте разлилась кровушка – красная, густая, вместе со всеми твоими старческими тромбами, микробами и холестерином!

Я выхожу из ненавистного кабинета, задыхаясь, будто бежала больше пятисот метров. Я навсегда останусь просто корреспондентом, подписывающим чужие фотки и выдающим краткие заметки по фактам конкретных скучных событий, типа съезда какой-нибудь долбаной партии. Или конкурса на лучшего повара в кулинарном колледже. И навечно останусь жирной коровой, не способной на длинные дистанции.

У меня всё есть, я, мягко говоря, небедна и ни в чём не нуждаюсь. Но меня нет. Я никто и из меня ничего не получилось – при всех возможностях. А ведь был нехилый гандикап и всегда твёрдая почва под ногами, никакой зыбкости или страха за завтрашний день. Это ж до какой степени надо быть бездарной?

А мне всего тридцать пять... уже тридцать пять.

Это зарисовка о прошлом. Мне было тридцать пять, нынче почти сорок, но всё уже – далёкое прошлое. Жизнь заканчивается. А длинную историю я всё-таки напишу. Должна написать, потому что иначе никто никогда не узнает, как случается то, чего быть не может. Когда я закончу, то отправлю файлы с текстом сразу в несколько издательств. Они ещё будут драться за права... Впрочем, я об этом не узнаю, и про успех не узнаю, жаль. И про последствия... А последствия будут.

Предстоит длинная дистанция, и у меня снова проблемы с дыханием, хотя теперь они ого как объяснимы. Рак успешно пожирает моё тело изнутри похлеце того тротила во время бега, только медленно, и исход предрешён. Некуда деваться с этой лодочки, тем более, что все мосты сожжены мною умышленно, чтобы даже не рыпаться думать о вариантах, которых всё равно быть не может. Зато нет страха, как протянуть последние месяцы, на что жить и как перенести ожидаемую вскоре мучительную боль: я могу себе позволить прожить оставшийся кусочек земного пути комфортно и спокойно. Здесь, на испанском побережье, самое для этого место.

Не знаю, что случится раньше – начнётся ли мука боли или на моём счету кончатся деньги от продажи всего-всего, что у меня имелось. А было у меня, кстати, немало. Родители, упокой их души, торговые работники ещё с советской поры, виртуозно и без напряжения приспособившиеся к новым временам, сколотили маленькую, но всё же сеть косметических магазинчиков, а десять лет назад разбились всмятку на БМВ в лобовом ДТП, потому что, как обычно, не пристегнулись («Да ну, неудобно же, мешают ремни, всю жизнь без них обходились – и ничего!»). Они оставили мне недурное наследство. И ежели даже оно всё кончится, и мне станет тупо нечем платить за съём моего бунгало и не на что жрать... или болезнь начнёт активно и ускоренно добивать меня... что бы из этого ни произошло раньше, оно будет всего лишь сигналом закончить мою грустную историю. Так планировалось.

И кто мог подумать, что в самом конце, когда до финиша рукой подать, внезапно появится соблазнительная цель: написать книгу, сюжет которой сам пришёл в руки. Чудо! Такого не могло случиться в нашей реальной, безобразно приземлённой жизни! Если бы я вдруг выздоровела, то, наверное, меньше удивилась. История пришла ко мне вместе с её главным

героем, с которым мы случайно встретились здесь, где оказалось моё последнее пристанище для (пardon за пафос) внутреннего созерцания и подготовки к Вечности. Кажется, настоящие писатели в таких случаях выражаются подобным образом, а им виднее. Стайерам этим...

Главный герой, невольно подаривший любопытный финал моей дурацкой жизни, и не подозревает, что я тоже в какой-то мере участник его драмы. Далеко не главное действующее лицо, но всё-таки. И происходящее со мной связано с тем событием, которое, как я думала, осталось в далёкой Москве. И в моей памяти. И напе вам: нежданная встреча на самом краю!

Событие догнало меня во времени, а, главное, в пространстве. Провиденье? Неслучайная случайность? Может, именно для того, чтобы я написала об этом. И чтобы были последствия. Ведь у всего бывают последствия, должны быть последствия, не может не быть последствий, теперь я это точно знаю.

Смысл последствий в том, чтобы все знали причину, породившую их, чтобы была очевидна взаимосвязь, и кто-то должен указать на неё и логику событий. Всё же неправа была моя редакторша, я могу писать длинные тексты, я это докажу, у меня хватит дыхания. Я сумею одолеть этот марафон.

Всегда считала, что для писателя важно уметь видеть подлинную суть происходящего, его, если хотите, мораль – зачем, почему что-то случается. Мне кажется, я это вижу и понимаю. В этом моя миссия писателя, если хотите, ха-ха! Не талант, не гениальность (я не дура – всё о себе понимаю), так хотя бы миссия. А ещё хочется поделиться с другими своим знанием, хотя их реакцию мне увидеть не суждено.

Южное лето подходит к концу, догорает испанский август. Но до зимы остаётся много тёплых и даже жарких недель. Вряд ли я увижу очередную каталонскую зиму и дождусь холодов.

Мой любимый местный променад, место для прогулок – он весь в зелени кустов и пальм, ярких цветах, с белыми деревянными скамейками. Не такой уж длинный променад, ведь городок совсем крохотный, но с каждым днём прогулки становятся для меня всё утомительнее, я быстро устаю, и с некоторых пор весь мой моцион заключается в том, чтобы дойти до любимого кафе, расположенного в начале променада, прямо рядом с кромкой моря. А потом обратно.

Кафе тихое, маленькое, уютное, будто кукольное из доброй детской книжки – яркая клетка скатертей, такой же узор на зонтиках, чёрные деревянные резные стулья с мягкими подушками. Вкусный кофе, румяные оладьи, огромный выбор шоколадных десертов, густые джемы, большие похожие на наши варенье. Меня тут знают, радуются как родной:

– Ола, сеньора! Как дела? Вы сегодня прекрасно выглядите! Добро пожаловать! – и приглашают за столик, самый ближний к морю на открытой террасе, самый дальний от стойки и закрытой части кафе. Уже ничего не спрашивают, изучили пристрастия постоянного клиента, в последнее время даже перестали подавать меню, лишь уточняют: «Как обычно? Или что-то ещё?». В девяти случаях из десяти беру «как обычно» – кофе с оладьями и джемом, изредка заменяю кофе на горячий шоколад.

Впрочем, всё это неважные подробности. Главное, что однажды в моё кафе пришёл и он. Наверное, просто шёл мимо. Он сразу вышел на террасу и стремительно направился к соседнему столику, столь же удалённому от всех и от всего. Он явился в то же время, что и я, не в самое людное, не вечером, а часа за два до заката. Потому мы и пересеклись.

Пересеклись один раз, на следующий день – второй, а на третий, видимо, он решил, что не поздороваться уже неудобно. Слово за слово, выяснилось, что мы оба из России, оба предпочитаем уединение, поэтому нам нравится это кафе и сидеть поближе к морю. Так мы оказались в итоге за одним столиком, и начался наш разговор. И моя неожиданная, новая, правда, предопределённо короткая история.

Мы пили кофе, перебрасываясь фразами по поводу Испании, погоды, здешних обитателей, температуры воды и чистоты пляжа...

– А где вы живёте?

– Там, – он показал рукой на левую часть городка, где вольготно раскинулось десятка полтора самых дорогих вилл и коттеджей этого местечка. – У меня вилла... А вы?

– Здесь, недалеко, – я махнула рукой в другую сторону. – Снимаю бунгало.

– Понятно.

– Э... простите за досужий интерес... Вы – олигарх?

Мужчина усмехнулся и отрицательно покачал головой.

– Если бы... если бы я был олигархом, все мои проблемы решались бы намного проще...

Всё дальнейшее было не совсем честно по отношению к моему новому приятелю, ибо он понятия не имел, что на самом деле происходит. Но когда уже считаешь дни до своего конца, такие пустяки смущают мало. Хотя не уверена, смутили бы они меня в другой, намного более оптимистичной ситуации. В этом, наверное, и заключается суть моей личности, а также причина того, что со мной приключилось. Но не буду торопить события в рассказе.

Нежданное для меня чудо заключалось в том, что новому знакомому необходимо было выговориться. Беда измотала его, заставила измениться и пытаться понять, как жить дальше. Переосмысление, переоценка ценностей, а уж тем более под влиянием трагических событий, процесс болезненный и мучительный, будто рождаешься заново, только без всякой радости и надежд. Впрочем, разве мы знаем про рождающихся младенцев, что они чувствуют? Исключительную радость по поводу появления на свет? А вдруг совсем наоборот?

Хотя, возможно, я усложняю, и этому седому, болезненного вида и не очень ухоженному мужчине просто нужно было с кем-то пообщаться, несмотря на желание одиночества, временного, но всё же отшельничества. В том-то и штука, что даже для отшельника соблазнительно выговориться случайной знакомой на краю света, как вагонной попутчице, не имеющей к нему ни малейшего отношения, более того – почти на глазах умирающей. Во избежание недоразумений я довольно скоро сообщила новому приятелю, что доживаю, осталось немного, держусь на препаратах, но что всё круто. Он посмотрел на меня с каким-то уважением или даже почтением. Я заметила, это производит впечатление на людей. Видимо, имеется в виду, что за жизнь надо до последнего бороться, цепляться, вгрызаясь во все возможности, даже когда точно знаешь, что возможностей нет и ничего нельзя поделать. Но проводить уютные и спокойные дни у моря с запасом необходимых таблеток, не думая о бытовых и материальных проблемах, получая удовольствие, как обычный гедонист, при этом умирая – о, это шокирует здоровых и сильных, счастливых и удовлетворённых жизнью. Их инстинкт работает нормально, правильно, требуя естественной борьбы за жизнь до конца.

Несколько минут мужчина переваривал информацию обо мне, правда, явно в позитивном ключе, в уважительном, судя по тому, как он на меня смотрел. И затем произнёс неожиданное:

– Может, вам будет интересно узнать... услышать мою историю? Ну... просто так... время провести. История любопытная...

– Безусловно, интересно! – вежливо кивнула я.

– Нет... не знаю, – он будто не решался, хотя и очень хотел. – История-то страшная, и она ещё не закончилась. Понимаете, меня ею тошнит, она жжёт меня изнутри, хотя я в жизни многое повидал, не кисейная барышня. Не знаю уже, прав я, виноват ли, герой или преступник. Даже не понимаю, живой или мёртвый... Мне просто плохо, но я почему-то всё ещё живу, организм функционирует, и с этим что-то надо делать. Либо жить дальше, прекратив или хотя бы уменьшив боль, либо прекратить боль, перестав жить. Но пойти утопиться я почему-то не могу. Я обречён жить...

– Вы хотите рассказать свою историю? Отлично! Я люблю истории, особенно необычные и страшные. И, знаете, ведь лучше меня невозможно найти собеседника, – улыбнулась я, внезапно почувствовав где-то в душе царапающее предчувствие чего-то удивительного, пусть даже ужасного. Какая мне разница – ужасом больше, ужасом меньше? – Всё, что я знаю или узнаю, умрёт вместе со мною, и случится это скоро. Если вы боитесь, что я кому-то про что-то успею рассказать, то просто не называйте настоящих имён.

Он покачал головой.

– Ничего я уже не боюсь. Нечего мне бояться и некого.

– Тем более. При этом я не идиотка блаженная, вопить от эмоций не буду, напугать меня трудно. В общем, я вся в вашем распоряжении. Только уже не сегодня... сильно устала. Давайте завтра здесь в это же время. Вот возьму и специально отосплюсь всю ночь и полдня, и к этому часу буду бодра и полна сил. У нас будет много времени для вашей исповеди! – предложила я как можно более легкомысленным тоном, думая вызвать его улыбку, а он вдруг наклонился, осторожно взял мою руку, прижал её к своему лицу и тихонечко заскулил, как щенок, которому отдавили лапу. Царапка в душе превратилась в нечто кричащее: «Ого! Будет очень интересно!».

На следующий день всё и случилось. Мы встретились в том же месте и провели рядом почти три часа. Он говорил и говорил. Иногда я прерывала его монолог вопросами. Для меня довольно скоро стало очевидно, что случилось нечто особенное: я хочу и буду писать про эту драму и изо всех сил постараюсь успеть. Поэтому мои уточнения и вопросы были продиктованы не праздным любопытством: я собирала материал, ведь настоящий писатель подходит к делу серьёзно, а не абы как. Правда?

Хорошо, я – не писатель. Не могут все ошибаться, наверное, я на самом деле бездарна. Тогда пусть написанное мною будет не романом, не повестью, а очерком нравов. Уж на это моя писанина точно сгодится.

Конечно, я расскажу историю не в точности так, как услышала её сама. Последовательность событий, словно мозаику, разложу по собственному разумению, прикидывая, каким образом подавать материал читателю, чтобы, с одной стороны, сохранялась интрига и было интересно, с другой, чтобы не упустить важных деталей, о которых мой рассказчик упоминал иногда скороговоркой и как бы между прочим, не заостряя внимания, но они всё же были важными. И я со своей колоколенки понимала, что сказанное только что оказало сильное влияние на те или иные дальнейшие события, а потому именно эта подробность вовсе не мелкий эпизод в ряду прочих, а, возможно, ударная волна, повлекшая за собой очередное цунами. Для моего собеседника не существовало никакого ряда последовательных событий, для него был лишь эпицентр взрыва, где он оказался, где огонь, больно и нечем дышать, а всё остальное – там, дальше, не такое важное и не стоит особенного внимания. Это понятно: он – в центре боли, я – во вне и холодным взглядом оцениваю произошедшее.

Поэтому властью писателя, взявшегося пересказать доверенную мне историю, буду складывать этот пасьянс по-своему. Теперь моя воля, как складывать паззл. Только моя воля на то, с какой стороны и в какой последовательности увидит читатель разрозненные карточки. Полотно, законченное и цельное, предстанет в самом конце. Ну, и мои домысливания, фантазии – как же без этого? Не пытайтесь отделить истинные события от моей фантазии, всё равно не получится. Что происходило на самом деле, а что я домыслила – только моя тайна. Но самое главное, костяк сюжета – абсолютная правда, рассказанная лично мне главным действующим лицом.

ЧАСТЬ 1

ПУСТЯКИ

КОМА

Мой собеседник начал рассказ не со страшного дня трагедии, а с момента, после которого, как я поняла позже, анализируя услышанное, им было принято самое главное решение и закрутился жестокий смерч событий.

...Несмотря на ужас происходящего, на изматывающие душевную боль и растерянность, деловая извилина его мозга начала скрупулёзно выстраивать план дальнейших действий уже в больнице. Там с ним вдруг произошло нечто странное: оказалось, что Вадим больше не ощущает ничего – ни боли, ни страха, ни отчаяния. Разом отпустило. Целых пять минут передышки, отдохновения, кайфа бесчувствия. Оказывается, превратиться в лист картона, в пластиковый стул, в стакан или солонку – в нечто абсолютно не способное ощущать, может быть великим кайфом, блаженством, небесным наслаждением.

Потом до Вадима дошло: инстинкт выживания подарил ему в те мгновения передышку, чтобы он смог выдержать весь ужас, сохранив силы для дальнейших действий, не превратившись в тряпку, от которой никакого проку; чтобы продолжать быть сильным мужиком, обязанным справиться с ситуацией и сделать так, как требуется.

Случилась перезарядка, перезагрузка организма. Иначе грозил неизбежный слом, уж слишком тяжело давалось дыхание, а сердце ощущалось, как огромный ком, бьющийся в истерическом режиме и раздавливающий своим весом остальные органы. Растёт оно там, что ли? Пухнет, наливается кровью? Что происходит? Почему сердце ведёт себя так, что невозможно дышать?

Вадим уже собрался обратиться за помощью к кому-то из медперсонала, сновавшего мимо, ведь что-то надо предпринимать, терпеть более невыносимо. Может, у него инфаркт? В прошлый раз, когда с сердцем случилось похожее, молодой врач скорой сказал, мол, «первое предупреждение». Сейчас второе? Или второго не бывает и...

И тут как раз отпустило. На целых триста секунд... примерно. Вадим прикрыл глаза и глубоко выдохнул. Какое блаженство! Ничего нет – ни сердца, ни других органов, ни боли. Казалось, что можно взлететь без крыльев на одной только лёгкости тела, настолько стало хорошо.

Но вскоре навалилось вновь, хотя по-другому. Навалилось ужасом стремительно меняющихся картинок, как в сбесившемся диакопе, картинок из памяти, последняя из которых – уезжающая от него по коридору каталка со скрюченным худеньким телом самого родного и любимого существа... Бесконечно длинный, как казалось, коридор, по которому, грохоча, катится чёртова металлическая таратайка, а Вадим пытается идти рядом, только чтобы быть рядом и ни на секунду не терять её из виду. Но его попросили остаться и ждать здесь. Очень убедительно попросили: бородатый доктор, высокий и крепкий, буквально силой усадил Вадима на какую-то кушетку, вдавив ладони-лопаты ему в плечи.

– Вам надо быть здесь! – с упором на слове «здесь» и жёстко удерживая маловменяемого Вадима, отчеканил мужчина. В другое время Вадим уложил бы одним ударом даже такого крепкого мужика, но не теперь. Сейчас он слишком слаб из-за вспухшего сердца и сбившегося дыхания, поэтому подчинился силе и покорно рухнул на больничную скамейку, провожая глазами грохочущую каталку, двигавшуюся куда-то далеко-далеко по бесконечно длинному, как марафонская дистанция, коридору.

Как знакомы эти удушающие объятия ужаса, когда случается нечто страшное, абсолютно тебе неподвластное и всесильное. Примерно те же чувства я испытала, когда мне объявили

мой приговор-диагноз. Всё происходило тоже в больнице, особая атмосфера которой располагает к острым переживаниям и ощущению отчаяния. Потом отпускает, всегда отпускает – а как же! Мы, люди, весьма приспособляемые животные. Всё равно надо жить дальше, надо действовать, шевелиться, по крайней мере, пока бьётся сердце. Поэтому всегда отпустит, как бы ни шарахнуло. И ты начинаешь думать, что делать теперь, как действовать дальше. Думаешь, анализируешь. Вспоминаешь...

АСЯ

Высокому, моложавому, спортивному, цыганисто черноглазому, с каштановой гривой густых волос, даже не думающих редеть в его за сорок, лишь чуть поседевших на висках, Вадиму Карлову в 90-е годы пришлось побыть «Папой Карло», но он им остался и доселе для близких и, возможно, для врагов, в наши дни превратившихся в конкурентов (неизвестно, что страшнее). Неужели опять настало время «включить режим» плохого, злого Карлы, чью роль приходилось играть в те незабываемые годы, нынче названные «лихими»? Точное определение – лихими они были. И безжалостными. Но и счастливыми, яркими, прекрасными! А всё равно хотелось, чтобы та пора ушла безвозвратно, по крайней мере, для него, для таких, как он, сделавших основную игру двадцать лет назад и вышедших из молотилки победителями. Но из молотилки...

Да, Карлов радовался, что закончилась эпоха девяностых. Радовался наступившей «мирной жизни» и расслабился от некогда столь вожделенного буржуазно-комфортного существования. В итоге ошибся, вовремя недооценив серьёзность возникшей ситуации. Отвык! Отказала скорость реакции, подвела возрастная самоуспокоенность. Исправить уже нельзя, но ответить на удар можно. Нет, не можно, а нужно, вспомнив прошлое, взбодрив навек.

Асенька, его единственная дочь, родилась в начале нулевых, и открыла своим появлением на свет не просто новый век или даже тысячелетие, а совершенно иную главу его, Вадима, жизни. Сказал бы ему кто-то в те же 90-е, что именно рождение дочки станет поворотным моментом в его судьбе, самым важным событием и в то же время создаст уязвимое место в душе, похожего на которое не было никогда прежде.

Асина мать... По правде говоря, её мать не стояла и пары добрых слов. Так глупо и пошло всё случилось! В те годы, когда Вадим сколачивал капитал и сосредоточился только на этом, ему было не до лирики и романтических отношений. Успешный, небедный и упрямо поднимающийся вверх по лестнице благополучия, Карлов, которому перевалило за тридцать, не нашёл до этих пор ни времени в своём расписании, ни желания в своём сердце обзавестись семьёй. Но, видимо, пришла пора, и мечта об очаге, о родных людях, о спокойном и уютном тыле в виде жены и детей сначала возникла, удивив, и постепенно сделалась вожделенной целью. Но оказалось, что Вадим плохо знает, с какого бока приниматься за мирное, приятное и такое на первый взгляд простое дело. Вернулся солдат с фронта...

Десять лет безумной и опасной гонки окончательно отбили и нюх, и умение разбираться в женщинах так, чтобы отличать хотя бы умную от стервы, а добрую от дуры. Опыт родителей был совершенно не в помощь. Лучше не вспоминать тот вечный, растянутый на годы развод, который так и не состоялся, скандалы, мелочные упрёки с обеих сторон, рыдания матери и грязная ругань отца. Образца правильной семьи и того, как она строится, у Вадима не было. Впрочем, кое-какие картинки всё же мелькали порой в мыслях – будто рекламные, из американских фильмов, демонстрирующие лишь внешнюю сторону открыточных отношений, при этом без малейшего понимания, что происходит внутри красивой и правильной семьи, как общаются между собой идеальные супруги, по каким отделениям шкафов раскладываются расчленённые скелеты семейных тайн – и могут ли в хорошей семье присутствовать скелеты вообще? Всё это было для Карлова терра инкогнита, лишь грезился яркий рекламный клип

про семейный воскресный обед с рождественской ёлкой до потолка – больше ничего не представлялось.

Потому он и попался. Зоя была ожившим образцом мужской мечты из телевизора или с киноэкрана. Например, мечты а-ля Италия, потому что удивительно напоминала Орнеллу Мути порочной красотой и бесстыжими глазами. Точёная фигурка, белозубая улыбка, грива каштановых волос, пухлый, почти негритянский рот. Умение держаться, вести беседу, быть обворожительной и милой – всё было при ней в достатке и даже с лишком. Так глупо было разом сглотнуть все наживки, повестись на рекламный ролик, поверить в реальность воплощения мультяшной счастливой жизни Барби и Кена!

Господи, сколько их было тогда вокруг, сколько крутилось рядом красивых девах, ловащих на своё тело внезапно появившихся в стране богатых мужиков, причём, мужиков молодых, сильных, деятельных! А они, парни, обрадовались и распустили хвосты денежными купюрами, решив, что каждый отхватит себе самую классную самку – ведь каков выбор! Из кого выбор-то?

Ведь был не юный уже дурак. Но Зоя мастерски окрутила Карлова со всех сторон, заобнимала длинными, смуглыми руками, довела до иступления поцелуями пухлых губ, приучила к ежеутренним и ежевечерним умелым ласкам.

Дворец бракосочетания, роскошная свадьба, медовый месяц на Мальдивах... Беременность. Всё шло по плану, как в сериально-киношной мечте. Так думал Вадим, в точности так же, наверное, размышляла и Зоя. Только мечты у них оказались абсолютно разными.

Дальнейшее вспоминать неловко, настолько оно пошлое, как в дешёвом сериале. Красавице из низов нужно было закрепиться в этом городе, в этом классе общества, надёжно сцепиться навеки с большими деньгами, больше никогда не выпуская из рук вожаемую добычу-жизнь любой ценой.

Идиот, кто мешал как следует узнать про её происхождение, про родителей и даже бабушек с дедушками? Почему-то это в голову не пришло. Дебил, он же видел их на свадьбе – и не опомнился. И ведь не скажешь, что разумом Вадима завладели похоть и вожаделение, начисто отключившие мозг, нет. Но понимания, что более важно, а чем можно пренебречь, не было. Все мы вышли из советского винегрета без понятия о важности происхождения, когда и если ты хочешь узнать и понять другого человека. Почти все на этом хоть раз да споткнулись, уж в новой постсоветской жизни – точно.

Ситуацию усугубляло то, что голова Вадима, вернее, её часть, не занятая вечной бизнес-гонкой, намечтала слишком яркую картинку идеальной семьи с крошками-ангелами и самой прекрасной в мире женщиной – их мамой. Здравый смысл был загнан в дальний угол и сознания, и подсознания. Где он нашёл эту женщину, свою жену? В каком доме, в каком ночном клубе, на какой вечеринке? Уже ведь и не вспомнить. Разве это нормально?

Вспоминаю те времена... Я была совсем юной и не входила в категорию прелестниц, что могли очаровать наших новоявленных богатых. Для них меня не существовало, я была пустым местом, ничем. Но мне-то и не надо было, потому что я на равных тусовалась среди начинающих богачей, спасибо ещё живым маме и папе, и наблюдала, можно сказать, изнутри, как изо всех сил бьются юные девочки-красоточки за право попасть в «обойму невест» для новых русских, как они колотятся, суется, идут на риски и позор, ставят на кон всё и часто проигрывают. А наши мальчишки, довольные и испорченные вконец, выбирают. Иногда, подчиняясь инстинкту женской солидарности, хотелось дать им в морду. Но чаще всё же презрительное отношение к начинающим шлюшкам оказывалось сильнее презрения к объектам их охоты.

Насмотрелась на эти доморощенные в Запупынске тактики со стратегиями. О-ох... Искать среди этих девах жену, подругу – самое глупое, что можно придумать. Всякий раз удивлялась мужчинам из нашего круга: ты слепой или идиот? Какого чёрта сам закладываешь бомбу под свою задницу на долгие годы вперёд? Не знаешь ведь, когда и как рванёт, но разорвёт тебя

на клочки всенепременно. Анекдот тех времён был безупречно правдив: «Не могу найти порядочную женщину, нет их вообще! – А где вы ищите? – Да все ночные клубы обошёл!» Заводить серьёзные отношения с далеко идущими планами, выбирая из девочек, что всеми способами и методами проникали в наш круг, означало где-то на работе хотя бы временно оставить свой мозг. Но девки были красивые, что да, то да. Очень. Цвет нации в этом смысле.

Прекрасная юная Зоя прибыла в Москву из Рязани, точнее, со всех ног сбежала из своей детской и юной жизни, из семьи проворовавшегося, отсидевшего, спивающегося бухгалтера, жена которого, мама Зои, в прошлой жизни служила заведующей заводской столовой. В той прошлой жизни у неё остались благополучие, сытость до отвала и полное довольство своим существованием, в нынешние же времена эта женщина превратилась в обзлившуюся, жадную, завистливую до чужого добра тётку. Ужас в том, что родители Зои – это родные бабушка и дедушка Аси. Счастье в том, что им никогда не было до внучки никакого дела.

Пошлость в стиле «рублёвский гламур» – вот как можно назвать недолгий период того брака. Сколько этих историй мне пришлось наблюдать на довольно близком расстоянии – десятки! Разница лишь в некоторых деталях: в суммах украденного у мужа, в количестве любовников у жены... Короткое перечисление даст точное представление о происходившем, и не к чему долгие рассказы, всё слишком очевидно: ненужная Зое дочка, капризы, скандалы, мелкое воровство денег с карточек Вадима, а потом и попытки влезть в его дела ради банального шантажа. Измены... Её откровенные поиски кого-то побогаче и менее зацикленного не «семейных ценностях», которые прекрасной русской Мути сто лет не были нужны. Зоя грезила об Америке и Голливуде, в чём однажды в нежный момент призналась мужу.

Вадим понял, что они оба ошиблись друг в друге, лишь тогда, когда маленькая Аська уже тарасила космические глаза из розовой кровати с балдахином. А Зоя рыдала, сидя в кресле и с ненавистью глядя, как на груди намокает её кружевной пеньюар.

– Мне это надо? Мне, по-твоему, это надо? – истерически вопила она, резко выпростав из-под кружева набухшую грудь, сочащуюся молоком. Вадим как раз вошёл в детскую, придя с работы, и хотел побыть с Асей. И наткнулся на Зою, с ненавистью трясей грудью и испепелившей мужа глазами, в которых читалось всё. Озарение было не из приятных.

– Не кричи! Напугаешь девочку, – сухо заметил он, подходя к кровати.

– Ничего ей не сделается! – завизжала Зоя. – Почему ты заставляешь меня кормить её сиськой, что за дикость, за что мне это, мука, мука, уродство, ненавижу! – и она горько разрыдалась. Тут же отчаянно запищала и дочка.

Спасительно подумалось: наверное, послеродовая депрессия, такое бывает, может, на самом деле не стоит Зое кормить грудью. Казалось, Вадим пытался остаться слепым и старательно отгонял от себя понимание, которое шарахнуло его из ненавидящего взгляда жены.

Он пошёл на всё: освободил Зою от «муки» кормления. Привёл в дом двух нянь – дневную и ночную. Думал, Зоя отдохнёт, придёт в себя и всё станет так, как мечталось, как виделось в святочных картинках, что наворовала его память из фильмов и приторных реклам.

Как он ошибся, каким дураком в квадрате оказался! Именно после того, как женщина почувствовала себя свободной, интерес к дочке был потерян ею окончательно. Она полностью окунулась в прежнюю жизнь, бывшей смыслом её существования, маяком, счастьем и страстью, тем, что делало её красивой, мягкой, желанной: той, что разбивала сердца и превращала в идиотов таких, как Карлов. Без всего необходимого, по мнению этой женщины, Зоя становилась одуревшей от злости мегерой. Интересный вопрос: куда пропадала русалочья красота, возбуждающий взор Орнеллы Мути и призывная нежность рта? Каким злым чудом исчезало это всё и только лишь потому, что декорации и предлагаемые обстоятельства не соответствовали её замыслам?

Зое нужны были приёмы, дорогие магазины и поездки. В самой сладкой мечте – подиумы и Голливуд, ей грезилась собственная киношная картинка: жизнь в американском высшем свете в Зоиной рязанской адаптации. Лишь это являлось смыслом, возжеленным модус вивенди, лишь это представлялось ей условием счастья и ощущения, что жизнь удалась.

Если же проще выразить всё перечисленное, то ей нужны были деньги. Очень большие деньги. Огромные деньги! И больше ничего.

Стоило Зое допереть, что всё поехало не в ту сторону и не так, начались упрёки, скандалы, воровство и, наконец, дошло до шантажа.

Вадим себя не оправдывал, он дурак. Тривиальный идиот, попавшийся, как сотни и тысячи до него во всем известную и примитивную ловушку. Зоя была из тех женщин, которые очень дорого продавали себя, своё тело. Настолько дорого, что даже были согласны родить ребёнка, но... Не более того. И просто родить. Да и то лишь для того, чтобы угодить богатому мужчине и иметь надёжный якорь, держащий богача, то есть, деньги, на привязи и коротком поводке.

Потом стало ещё банальнее. Когда речь зашла о разводе, а Вадим сам завёл об этом разговор, потому что было уже совершенно невыносимо, Зоя, зная, как отец обожает дочь, поставила жёсткие условия. Своей жизни без Аси Карлов теперь не представлял. Оказалось, что он многие годы шёл именно к отцовству, хотя и не подозревал об этом. Но крохотное беспомощное существо, прекрасное, тёплое, сладкое и такое родное, сделало его по-настоящему счастливым. Нежданно-негаданно.

Развод был быстрым и грабительским по отношению к Карлову, но зато совершенно беспроblemным в смысле Аськи. За очень большие отступные Вадим отвязался от Зои раз и навсегда, чем поразил всю Рублёвку и окрестности. Суммой прописью поразил... Зоя и не думала возражать против того, чтобы дочка осталась с ним. Сначала, правда, начала разыгрывать драму, но абсолютно любительского толка, дешёвую самодеятельность, и Вадим быстро это прекратил.

– Зой, не надо. Мы оба всё понимаем. Давай сразу приступим к финалу, хорошо? Торга не будет, я тебя обрадую.

Красавица удивилась, таращила глаза, хватала ртом воздух и не верила. Не верила, пока ей не дали на подпись бумаги. Надо было видеть вспыхнувшие щёки молодой женщины, трепет ноздрей и сияние глаз. Да! Вот оно! Цель достигнута, всё получилось. Не так уж трудно и оказалось – подумаешь, всего лишь родила, фигура уже пришла в норму. Другим приходится и родить, и потом с ребёнком (хорошо, коли с одним!) возиться, и толстеть, и бабеть, и профукивать самые лучшие годы, даже если со средствами, а всё равно с гирями на ногах и, в итоге, не достигнув цели. А тут полное освобождение да с наваром! Можно пускаться в увлекательное путешествие по прекрасной жизни, полной богатых мужчин и потрясающих перспектив.

Карлов наблюдал за уже бывшей женой с любопытством исследователя и с горечью разочаровавшегося в себе человека. Как он мог всего этого не понять вовремя, как попался? Он, который на раз-два раскалывал планировавших «кинуть» его, распознавал по манере разговора, по уплывшему внезапно взгляду, по выступившей на лбу испарине! В деловой игре, в деловом мошенничестве равных ему не было... ну, почти не было. А прокололся на молоденькой стерве, правда, красивой и манкой, как сама Орнелла Мути.

Могу подтвердить, как наблюдавшая с довольно близкого расстояния немало подобных драм, Вадим – одно из редких исключений. Всё же, как правило, наши мальчики не церемонились с оборзевшими жёнами, бывшими девушками из таверны. Многим из них пёрышки повывёртывали, кровушки попортили и на обочину повыкидывали. Некоторые из отставленных супружниц едва уносили ноги от озверевших бывших мужей, с кем-то удалось договориться более-менее по-людски, кто-то годами судился и судится по сей день. Но так, как Вадим,

поступало абсолютное меньшинство. Пальцев одной руки хватит, чтобы вспомнить их всех и назвать их можно поимённо. Наверное, потому что мало кто умеет так любить своего ребёнка и, не задумываясь, пойти ради него на потерю огромных денег, легко отпустив с богом «грабительницу». Тем более, мы говорим о мужчинах, не о женщинах... Редкое явление, достойное, но исключительное.

Зойка неплохо порастрясла карманы Вадима, но довольно быстро оказалось, что всё восстановимо при стремительно взлетающих в космос ценах на нефть. Главное, что его сокровище, его ангел Асенька осталась с ним. Навсегда. И счастье стало полным. Даже без жены, без мамы... Ну их, этих баб! Чтобы стать счастливым в союзе с женщиной, надо их, женщин, знать, понимать и уделять изучению предмета слишком много времени. У него никогда не было такой роскоши. Или ты работаешь, пашешь по двадцать часов в сутки, или изучаешь женщин.

«Так откуда же ты возьмёшь время на дочку?» – строго спросил его кто-то умный и безжалостный из близкого окружения. А ведь правильно спросил! Был момент, когда Карлова охватила паника. Но он быстро взял себя в руки и принял решение: всё свободное время – дочери, но пока его нет, с ней рядом будут самые добрые няни, самые лучшие гувернёры, самые прекрасные учителя. У неё всегда будет всё самое лучшее. Она вырастет в любви, в полном достатке и сверх того – в доброте и душевности. Поэтому она никогда не станет похожей на свою мать, на Зою.

И хорошо, что она не нужна ни матери, ни бабушке с дедушкой со стороны матери. Родители Вадима были добры к внучке, нежно любили девочку, только они рано ушли... Вечный бой даром не прошёл: оба страдали сердечными недугами, постоянно принимали лекарства, и однажды мамино сердце остановилось в прямом смысле на ходу: она шла домой из магазина, не дошла до крыльца десять шагов. Упала – и как и не было человека.

Совершенно сломленный этим отец начал пить. Вот ведь чудеса в решете! Всю жизнь прожили, как кошка с собакой, ни дня без скандала иногда даже с мордобоем, а поди ж ты! Затосковал старик, как верная собака, враз потерявшая хозяина. Сидел и выл, выл, словно осиротевший шелудивый пёс. И пил... Через месяц случился обширный инфаркт, чего и следовало ожидать. Асеньке было всего шесть лет. Она довольно скоро их совсем забыла.

МАРАФОН

– Вадим, простите, перебую... Мама исчезла из Асиной жизни совсем? Как это возможно?

Мой собеседник пожал плечами.

– Да легко. Она быстро смылась в Штаты, там с тех пор и тусуется где-то в Калифорнии, сменив уже двух мужей-миллиардеров и родив двоих сыновей. Что, кстати, устроило её личное состояние.

– Она общалась с дочкой?

– Шутите? Я не уверен в том, что она помнила о её существовании уже через пару лет после отъезда. Ни одного письма, ни одного звонка. Если честно, я ждал, я хотел этого! Ради Аси... Но... Пришлось её «умертвить», чтобы девочке было проще.

– Вы считаете, что это – проще?

– А вы не считаете? – удивился Вадим. – По-вашему, лучше знать, что у тебя есть потрясающе красивая мама, которой ты на фиг не сдалась с самого рождения, которая вряд ли помнит, как тебя зовут? Так лучше?

– Н-нет, наверное. Возможно, вы правы. А вдруг когда-нибудь сама мать захочет... вспомнит... раскается...

– Поздно раскаиваться. Слишком поздно.

– Прощения не будет?

Вадим не ответил. Некоторое время он молча смотрел перед собой, будто не расслышав мой вопрос.

АСЯ

Маленький ангел рос в любви и обожании, хотя и без мамы. Не знаю, как это – расти без мамы, могу только попытаться вообразить. Моя мама... Шумная, сильная, деловая, храбрая, везде её всегда было много! Она успевала всё – и работу делать, и со мной возиться. На хозяйстве, правда, с самого своего малолетства я помню нанятых людей – уборщицу, повариху. Но меня мама не доверяла никому. Она меня обожала, и всё свободное время... Нет, пожалуй, не хочу об этом. Больно и ни к чему. Сказать хотела вот что: не представляю детства без мамы. Но бывает и по-другому...

Казалось, или может так оно и было на самом деле, девочка вовсе не страдала из-за отсутствия в своей жизни самого главного человека, будто просто не замечала. Рядом добрые, ласковые, умные няньки-гувернантки, папа любит за двоих, хотя порой казалось, что за десятых. От природы добрый нрав девочки не давал ей стать маленькой тираншей, избалованной единственной дочкой богатого отца. А у отца хватало ума и любви нанимать ей отличных педагогов, давая им чёткую установку на доброжелательность и нежность, но и на правильное воспитание взрослеющего человечка. «Чтобы только Зоя не получилась!» – каждый раз мысленно заканчивал инструкции дочкиному персоналу Вадим. Про Зою никто не знал, не говорил, тема была запретная. Для Аси мама умерла от воспаления лёгких. Всё, точка.

Асёна не создавала проблем, на ласку отзывалась улыбкой и послушанием, повышать голос и «принимать меры» почти никогда не требовалось. Няньки-бонны удивлялись, ведь у них уже был разнообразный опыт: «Какая хорошая девочка! Будто бы не от свихнувшегося от любви к своему чаду богатенького буратины», – судачили они промеж собой и радовались, что на сей раз им повезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.